

УДК 316.4

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ
В СИТУАЦИИ РОСТА
СОЦИАЛЬНОЙ
ЭНТРОПИИ В ХОДЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ПЕРЕМЕН В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**Воробьев Геннадий
Александрович**

Кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой информационно-
коммуникационных технологий,
математики и информационной
безопасности Пятигорского
государственного университета,
г. Пятигорск, Россия,
e-mail: vorobyev@pglu.ru

**TRANSFORMATION
OF VALUES AND MEANINGS
IN TERMS OF INCREASED
SOCIAL ENTROPY IN THE
COURSE OF SOCIAL
AND CULTURAL CHANGES
IN RUSSIAN
SOCIETY**

Gennadiy A. Vorob'ev

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department
of information and
communication technologies,
mathematics and information
security,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk, Russia,
e-mail: vorobyev@pglu.ru

В статье рассматривается проблематика, связанная с ценностными трансформациями в ситуации роста социальной энтропии в ходе социокультурных перемен в российском обществе. Отмечается, что рост социальных рисков закономерно приводит к снижению уровня уверенности в обществе, а трансформация ценностей и смыслов в ситуации роста социальной энтропии связана с ростом процессов отчуждения в российском обществе.

The article discusses the issues related to value transformation in terms of increased social entropy in the course of social and cultural changes in Russian society. It is noted that the growth of social risks naturally leads to lower levels of confidence in society, and the transformation of values and meanings in terms of increased social entropy is related to the growth of the processes of alienation in Russian society.

Ключевые слова: социальная энтропия, трансформация ценностей, сложное общество, рост социальных рисков, ценности социального доверия. **Keywords:** social entropy, transformation of values, complex society, growth of social risks, values of social trust.

Введение

С течением времени нарастание социальной энтропии становится фоновой ситуацией повседневной жизни россиян. Неизбежно происходит адаптация личности к условиям дисгармоничного социума. На фоне расширения социальной энтропии разворачивается повседневная жизнь, переживаются стрессы, происходят разнообразные проявления поведения личности, выстраиваются смысложизненные ориентации, т. е. создается жизненная история того или иного индивида.

Для российского общества, с учетом трагической истории XX столетия и значительной культурно-исторической инерции, характерны высокая иерархичность и простота коммуникационной схемы общественно-государственного устройства. Российской особенностью становится то, что рост социальной энтропии происходит в сложном социуме. При этом процесс «спрессованных» во времени, а потому болезненных перемен приводит не только к разрушению старых общественных структур, но и порождает деформацию ценностей как высших регулятивов человеческой деятельности [1].

Кризисные явления в социальном и индивидуальном бытии в определяющей степени обусловлены разрушением духовно-гуманистических основ российской культуры и распада духовности. В обществе нарушена единая система ценностей, выступающая объединяющим началом и регулятором социальных отношений, основой мировосприятия и социального поведения.

Трансформация ценностного мира россиян

Ценности представляют собой обобщенные представления людей в отношении наиболее значимых целей и норм поведения, задающих приоритеты восприятия социальной реальности и ориентации действиям индивидов во всех общественных сферах жизни, формирующих «жизненный стиль общества». Ценности возникают в ответ на ощущение дефицита жизненно важных опор у различных социальных групп и индивидов, результатом чего является стихийный поиск новых точек опоры. Роль элит в этом процессе заключается в создании условий для модернизационного поиска, в отличие от революционного или сверхконсервативного. Такой поиск может привести к естественному обновлению устаревших и отсеvu неработающих ценностей, появлению новой системы или сово-

купности доминирующих ценностей, которые в концентрированном виде выражают особенности культуры и исторического опыта общества.

Философы и социологи говорят о деструктивной динамике ценностных ориентаций общественного сознания постсоветской России, имея в виду деформацию социальной ценностной иерархии, а также процессы конструирования «новых ценностей», отсутствовавших в социокультурном пространстве советской эпохи. При этом обращается внимание на то, что трансформация ценностных ориентаций в современной России происходит одновременно с постиндустриальной эпохой на Западе и глобализацией мирового пространства, что усугубляет их деструктивный характер. К примеру, социолог С.А. Храпов исходит из того, что многие установки западного мировоззрения носят деструктивный характер и, соответственно, проникая в российское общество, формируют здесь потребительскую направленность поведенческих установок, гипертрофированный индивидуализм и т.п., что усиливает кризис идентичности [2, с. 391]. К тому же стремление быстро перестроить общественную жизнь и систему социально значимых ценностных ориентаций по западному образцу ведет к антропологическому кризису.

В массовом сознании и общественной психологии фиксируются чувства отчужденности, потерянности, отсутствия «системы координат» в новом информационном глобальном мире. «Одним из проявлений болезненного состояния современного российского общества является кризис его ценностной системы», – полагает социолог В.Г. Немировский, достаточно обстоятельно обосновывая эту оценку эмпирическим материалом [3, с. 25].

Психолог и культуролог А.В. Юревич, основываясь на опросах экспертов, сравнивших состояние российского общества в двух почти крайних точках временного континуума (в 1981 и 2011 гг.), констатирует существенное расширение негативных характеристик и снижение подавляющего большинства позитивных параметров [4]. В числе негативных характеристик – характеристики, связанные с агрессивностью, алчностью, аномией, беспринципностью, бесцеремонностью, враждебностью, вседозволенностью, грубостью, жестокостью, злобой, конфликтностью, ксенофобией, ложью, меркантильностью, насилием, невоспитанностью, ненавистью, подлостью, сквернословием, тревожностью, эгоизмом. Самая большая разница значений 1981 и 2011 гг. выявилась по таким характеристикам, как бескорыстие (3,98), психологическая безопасность (3,92) и скромность (3,85) [5].

Трансформация ценностей и смыслов в ситуации роста социальной энтропии в сложном обществе реализуется в пространстве социальной реальности как системе событий, смысловая связь которых об-

разуется в результате практического обобщения каждым событием конечного множества его образцов. Под социальными событиями понимаются смысловые аспекты человеческих действий, раскрываемые через смыслы предшествующих действий, инкорпорированные в габитурах действующих людей. При этом, по определению А.Е. Серикова, модель совмещает представление о бесконечности взаимосвязанных по смыслу событий с представлением о конечности каждого конкретного смысла. Это объясняет и преемственность смысла, и его изменение – иногда незначительное, а иногда радикальное [6].

Уже в конце 1980-х гг. началось размывание прежней системы ценностей угасающего советского общества, стихийное переосмысление таких ценностей, как личность, государство, свобода, справедливость, демократия, деньги. Начавшаяся трансформация ценностей и смыслов сопровождалась высокой политизацией общества, что проявлялось в выдвигании на передний план таких ценностей, как свобода, демократия, права человека. При этом отходили на периферию внимания такие идеологизированные советские ценности, как интернационализм, коллективизм, энтузиазм, борьба и т.п.

Конфликт традиционных и индивидуалистических ценностей и смыслов ведет к ценностной и институциональной «ломке» в обществе. Ситуация осложняется в силу того, что усвоение западных ценностей происходит неравномерно. Мода, стандарты потребления, представления о престижности и статусе, культура развлечения – все это благодаря средствам массовой информации и коммуникации, рекламе, индустрии досуга и потребления воспринимается почти с ходу, без особых проблем и раздумий. Кроме того, в российском сознании и ментальности прочно зафиксированы представления и стереотипы советской эпохи. По определению социального философа Н.А. Ореховской, нынешнее общество движется «отнюдь не к культуре духовной сосредоточенности, а вступает в весьма прагматическую полосу почитания государства и порядка» [7]. Но при этом речь не идет о сталинском или пиночетовском порядке, предполагающем однопартийную систему и идеологический диктат власти. Это – специфический постсоветский порядок, связанный с ностальгией по так называемому периоду застоя и вполне реальными социальными и политическими завоеваниями советского общества.

Влияние социальной энтропии на трансформацию ценностей

Подобная социальная ностальгия – прямой ответ на расширение пространства социальной энтропии в современном российском обще-

стве. Недаром Г.Е. Зборовский и Е.А. Широкова исходят из того, что социальная ностальгия возникает по причине резкой смены привычных ориентиров в переходном обществе [8, с. 32–33]. В силу того, что ущемленные социальные группы неспособны адаптироваться к новым ценностям и ориентирам, разочарованные в настоящем, они стараются найти «реперные» точки в прошлом. Их поиск вызван острой потребностью индивида в прочных ценностях, которые ему необходимы в условиях быстроменяющегося мира. При этом ностальгия как тоска по прошлому выступает в качестве своеобразной культурной реабилитации прошлого, обращения к искаженному и идеализированному историческому прошлому.

Мир ностальгических представлений формируется как символический конструкт, система образов прошлого, связанных с чувствами тоски, боли, утраты. Согласно общероссийскому опросу 2004–2005 гг., от 40 до 60 % населения в разных формах хотели бы возрождения СССР [9]. В связи с этим логичным выглядит тот факт, что старшее поколение в большинстве своем (54 % опрошенных) «золотым веком» России (когда простым людям жилось лучше всего) признает брежневские годы. При этом недалекое прошлое (горбачевская, ельцинская эпохи) негативно оценивается всеми возрастными категориями, что говорит и о «низком уровне социально-психологического самочувствия людей, и о низкой степени адаптации различных возрастных групп, в том числе молодежи и их родителей. И хотя симпатии-антипатии молодых распределяются более равномерно, чем в старших возрастных группах, симптоматично, что Сталин как историческая фигура и как государственный деятель вызывает положительные эмоции и оценки среди молодых людей 15–20 лет, изучающих историю, казалось бы, по новым учебникам и имеющим возможности доступа к более объективной исторической литературе».

Идет деформация ценностей социального доверия. Л.Д. Гудков исходит из того, что «доверие – это способность действующего субъекта схватывать выражение имплицитных кодов и правил поведения одних институтов или социальных групп в зонах действия других институциональных или групповых правил поведения, восприятие действующих неназываемых, но подразумеваемых (в конкретной ситуации взаимодействия) норм институционального действия, которыми будет (поскольку предполагается, что он должен, обязан) руководствоваться партнер» [9].

Социологические опросы фиксируют падение уровня социального доверия, что связано с ростом настроений отчужденности от политики, политической пассивности, безразличия и эскапизма. «В эту социальную картину вписывается утрата культуры доверия в обществе. Недаром в литературе отмечается, что культура доверия в обществе

так же, как и доверительность в межличностных отношениях, основывается на соблюдении нравственных принципов взаимодействия. Культура доверия распространяется в обществе только при наличии необходимого уровня нравственной зрелости».

Социальное самочувствие в современном российском обществе во многом обусловлено нормами и ценностями, регулирующими взаимоотношения между людьми. Преломленные через средства массовой информации, социальные ценности и нормы воздействуют на жизненные стратегии, стиль общения и взаимодействие людей в социальной реальности. Однако в новых социальных условиях обман, злоупотребление доверием, насилие как бы получили право на легальное существование, что способствовало развитию социальной патологии.

Все чаще говорят о деградации доверительных отношений как процессе, связанном с понижением уровня сложности, структурированности и системной иерархии. Происходит образование негативных солидарностей, которые формируются в сфере теневого бизнеса и теневой экономики. Разрастается феномен острого социального беспокойства как показатель высокого уровня недоверия в российском социуме – напряженного состояния, связанного с чувством недоверия к другим социальным субъектам или группам.

В силу сложной, многомерной природы доверия в современном социологическом дискурсе распространен интегративный подход к анализу феномена доверия, включающий социокультурный и институциональный аспекты. В первом случае доверие рассматривается как следствие глубоко укоренившихся убеждений и представлений людей об обществе и своем месте в нем.

Региональные исследования показывают, что зона «культуры недоверия» не охватывает весь комплекс социальных отношений и фиксирует снижение доверия по мере увеличения радиуса отношений. Так, жители Белгородской области в большинстве своем положительно высказались о межличностном доверии – 42,2 % против 37,5 % опрошенных, давших отрицательную оценку [10, с. 128–129]. При этом установка на доверие незнакомым людям характерна только для 34 % опрошенных – по мере увеличения радиуса социальных отношений удельный вес носителей недоверия увеличивается [10, с. 128–129].

Вполне обоснованно, что люди в большей степени доверяют тем, с кем их связывают так называемые сильные связи – в российском обществе это прежде всего родственники, в меньшей мере – соседи и коллеги по работе. По данным региональных опросов, проведенных в период с 2013 по 2015 г. в ряде субъектов Российской Федерации (Бел-

городская и Вологодская области, Краснодарский край), можно выделить наметившуюся тенденцию, подтверждающую тезис о значимости фактора социальной дистанции при оценке степени доверия. Так, например, в Белгородской области родственникам доверяют 65,5 %, и еще 24 % – «скорее доверяют, чем не доверяют», в Краснодарском крае – 68,4 % респондентов «в случае возникновения какой-либо проблемы обратятся за помощью к семье, родственникам и соседям»; в Вологодской области готовы доверять родственникам, самым близким друзьям и знакомым 67,7 % населения [10].

Институциональная интерпретация феномена доверия акцентирует внимание на оценке людьми деятельности государственных и общественных институтов. Исследования Института социологии РАН показывают неравномерность распределения доверия публичным институтам российского общества. На протяжении 2014–2015 гг. наибольшее доверие в обществе вызывают президент РФ (78 %), Российская армия (65 %) и православная церковь (50 %) [11, с. 132–133]. Данные ВЦИОМ подтверждают тенденцию неравномерного распределения доверия политическим и общественным институтам при устойчивом высоком доверии к президенту. В декабре 2015 г. уровень доверия президенту составлял 78 %, федеральным властям – 63, властям региона (в среднем) – 51 % [12].

Сложившаяся непопулярность структур, основная цель которых – представление и защита интересов граждан, объясняется высоким уровнем недоверия и определённым кризисом данных политических институтов, которые фиксируют и региональные исследования (например, партиям и профсоюзам не доверяют 42,0 и 45,5 % жителей Ростовской области) [13].

В самом же обществе, как полагают социологи, нарастает ощущение беспокойства и страха. Как показывают социологические исследования, наиболее высокий уровень тревожности, как и худшее социальное самочувствие, присущ прежде всего пожилому населению, а самые распространенные причины страхов людей – это опасения за будущее своих детей, обеспокоенность, связанная с возможностью остаться без средств к существованию.

Трансформация ценностей и смыслов в ситуации роста социальной энтропии связана также с процессами отчуждения. В современном социальном знании в понятие отчуждения вкладывают разные значения. Во-первых, в праве отчуждение означает передачу каких-либо имущественных прав (прав собственности) другому физическому или юридическому лицу; во-вторых, отчуждение – это психологическое

состояние человека, характеризующее его негативное отношение к окружающей действительности; в-третьих, отчуждение как объективный социальный процесс, когда индивид лишается возможности контролировать условия, средства и продукты собственного труда.

В применении к современному российскому обществу отечественный социолог В.Ю. Комбаров даже пишет о трансотчуждении как особой форме отчуждения [14, с. 90–96], которая является результатом гибридизации в ходе общественных трансформаций последних нескольких десятилетий старых (советских) и новых (западных) видов, проекций, измерений отчуждения [15, с. 27–37].

Заключение

Таким образом, нарастание социальной энтропии становится фоновой ситуацией повседневной жизни в условиях сложного общества. Неизбежно происходит адаптация личности к обстоятельствам дисгармоничного социума. На фоне роста социальной энтропии разворачивается повседневная жизнь, переживаются стрессы, происходят разнообразные проявления поведения личности, выстраиваются смысло-жизненные ориентации. Растет отчуждение человека от общества и его основного института – государства. Процесс «спрессованных» во времени и болезненных перемен приводит не только к разрушению старых структур, но и порождает деформацию ценностей как высших регулятивов человеческой деятельности.

Трансформация ценностей и смыслов в современной России происходит одновременно с постиндустриальной эпохой на Западе и глобализацией мирового пространства, в силу чего в результате вестернизации общественного сознания и социальной жизни интериоризованы многие неоднозначные и даже деструктивные установки западного мировоззрения, в том числе потребительство и гипертрофированный индивидуализм, а попытка в кратчайшие сроки перестроить общественную жизнь и систему общественных ценностных ориентаций по западному образцу (шоковая терапия) привела к антропологическому кризису. Сформировался индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей, а в массовом сознании и общественной психологии фиксируются чувства отчужденности, потерянности, утраты «системы координат».

Трансформация ценностей и смыслов в ситуации роста социальной энтропии в ходе социокультурных перемен происходит на фоне того, что элита и основная масса граждан пребывают в состоянии неопределенности и вариативности выбора между различными направлениями ценностной эволюции: русским и советским традиционализ-

мом, умеренным (просвещенно-патриотическим) прагматизмом, радикальным либерализмом и «асоциальным индивидуализмом». При этом на уровне жизненного существования происходит замена метафизических ценностей материальными, поскольку повседневный опыт людей расходится с декларируемыми ценностями.

На почве ценностной и институциональной «ломки» в обществе нарастает конфликт традиционных и индивидуалистических ценностей. В российском сознании живут также многие представления советской эпохи. В самом же обществе нарастает ощущение социального беспокойства и страха. Наиболее высокий уровень тревожности, как и низкое социальное самочувствие, отличает прежде всего пожилых, а самые распространенные причины страхов людей – это опасения за будущее своих детей, обеспокоенность, связанная с возможностью остаться без средств к существованию. Если обществу не удастся консолидироваться в ценностном и смысловом отношении, рост социальных рисков закономерно приведет к расширению пространства социальной энтропии, дальнейшему снижению уровня уверенности в обществе, нарастанию социального беспокойства и социального отчуждения.

Литература

1. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. 392 с.
2. Хранов С.А. Социокультурные основания деструктивной динамики ценностных ориентаций общественного сознания постсоветской России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в. : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. В.В. Козловского. СПб. : Интерсоцис, 2008.
3. Немировский В.Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
4. Юревич А.В. Динамика психологического состояния современного российского общества // Вестник РАН. 2009. Т. 79, № 2. С. 114–116.
5. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Ин-т психологии, 2012.

References

1. Mental'nye programmy i modeli sotsial'nogo povedeniya v rossiyskom obshchestve: monografiya / отв. red. A.V. Lubskiy. Rostov n/D. : Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 392 p.
2. S.A. Khrapov. Sotsiokul'turnye osnovaniya destruktivnoy dinamiki tsennostnykh orientatsiy obshchestvennogo soznaniya postsovetskoy Rossii // Sotsiologicheskii diagnoz kul'tury rossiyskogo obshchestva vtoroy poloviny XIX – nachala XXI v. : materialy Vseros. nauch. konf. / pod red. V.V. Kozlovskogo. SPb. : Intersotsis, 2008.
3. V.G. Nemirovskiy. Rossiyskiy krizis v zerkale postneklassicheskoy sotsiologii. M. : LIBROKOM, 2009.
4. A.V. Yurevich. Dinamika psikhologicheskogo sostoyaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Vestnik RAN. 2009. T. 79, № 2. P.114–116.
5. Nravstvennost' sovremennogo rossiyskogo obshchestva: psikhologicheskii analiz / отв. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M. : In-t psikhologii, 2012.

6. Сериков А.Е. Конечность событийных смыслов как основа модели социальной реальности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Философия. Филология. 2006. № 1 (4). С. 126–143.

7. Ореховская Н.А. Эволюция массового сознания россиян. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2011.

8. Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. 2001. № 8.

9. Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. 2012. № 117.

10. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Недоверие в установках и практиках населения // Социологические исследования. 2015. № 6.

11. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2015.

12. Общество и кризис: политические риски 2016. Отчет ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/news/reports_conferences/ (дата обращения: 18.02.2017).

13. Посухова О.Ю., Сериков А.В. Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий // Вестник Института социологии РАН. 2016. № 16.

14. Комбаров В.Ю. Трансотчуждение как социологический феномен постсовременности: опыт применения теории трансгрессии // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV очередного Всерос. социол. конгр. Сессия 1: Общества и теории: отражения, отторжения, притяжения. М.: РОС, 2012. С. 90–96.

15. Лубский А.В., Лубский Р.А. Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4.

6. A.E. Serikov. Konechnost' sobytiynykh smyslov kak osnova modeli sotsial'noy real'nosti // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Filosofiya. Filologiya. 2006. № 1 (4). P. 126–143.

7. N.A. Orekhovskaya. Evolyutsiya massovogo soznaniya rossiyan. Rostov n/D.: SKNTs VSh, 2011.

8. G.E. Zborovskiy, E.A. Shirokova. Sotsial'naya nostal'giya: k issledovaniyu fenomena // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 8.

9. L. Gudkov. Doverie v Rossii: smysl, funktsii, struktura // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 117.

10. E.V. Reutov, M.N. Reutova. Nedoverie v ustanovkakh i praktikakh naseleniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 6.

11. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya / pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. M.: Ves' mir, 2015.

12. Obshchestvo i krizis: politicheskie riski 2016. Otchet VTsIOM. [Elektronniy resurs] URL: https://wciom.ru/news/reports_conferences/ (data obrashcheniya: 18.02.2017).

13. O.Yu. Posukhova, A.V. Serikov. Zhiznennyye orientiry zhiteley Yuzhnogo federal'nogo okruga v kontekste sovremennykh realiy // Vestnik Instituta sotsiologii RAN. 2016. № 16.

14. V.Yu. Kombarov. Transotchuzhdenie kak sotsiologicheskiy fenomen postsovremenosti: opyt primeneniya teorii transgressii // Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: materialy IV Ocherednogo Vseros. sotsiol. kongr. Sessiya 1: Obshchestva i teorii: otrazheniya, ottorzheniya, prityazheniya. M.: ROS, 2012. P. 90–96.

15. A.V. Lubskiy, R.A. Lubskiy. Chelovek v Rossii i na Zapade: kontsepty diskursivnogo myshleniya // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2012. № 4. S. 27–37.

Поступила в редакцию

20 февраля 2017г.